

•ШНыр•

Небо и Бездна

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Пегас, лев и кентавр
У входа нет выхода
Мост в чужую мечту
Стрекоза второго шанса
Муравьиный лабиринт
Череп со стрелой
Глоток огня
Седло для дракона
Цветок трёх миров
Замороженный мир
Дверь на двушку
Сердце двушки

Дмитрий Емец

У ВХОДА НЕТ ВЫХОДА

Москва
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Иллюстрации *Андрея Топунова*
Дизайн серии *Елены Дукельской*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 У входа нет выхода / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2026. — 432 с. — (ШНыр. Небо и бездна).

ISBN 978-5-04-212714-4

Как попадают в Школу ныряльщиков? Это всегда выглядит случайностью.

Сначала прилетает золотая пчела, а потом ты неожиданно оказываешься в маршрутке. Водителя нет. Связь не ловит. За окном мелькают улицы. Покинуть машину нельзя.

Но главное, что все пассажиры — ровесники, им по шестнадцать лет. С разными судьбами, привычками, страхами и тайнами. Никто из них пока не знает, что им предстоит стать ныряльщиками и на пегасе совершать нырки в другой мир, откуда можно принести артефакт, способный изменить чью-то жизнь. Но скоро все изменится.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-212714-4

© Емец Д., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Следует с величайшим старанием составлять запас жил, так как онагры, баллисты и остальные метательные орудия не приносят никакой пользы, если их нельзя натянуть канатами или жилами. Также конский волос из грив и хвостов лошадей очень хорошо подходит для баллист. Несомненно, что волосы женщин также очень хороши для подобного рода машин, что доказано на опыте в момент тяжёлого положения Рима. Когда Капитолий был осаждён, то вследствие постоянного и долгого употребления метательные машины испортились, а запаса жил не было, тогда римские матроны срезали свои волосы и дали их своим сражающимся мужьям; машины были исправлены, и нападение врагов отражено.

Вегеций

*20 сентября 20** года*

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пеглов
					Воду пить нельзя
					Заветка в четырёх шагах
					Заветка здесь
					Направление на лагерь

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах дотов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Привал
					Тут переправа
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищённая от гилел
					Осторожно! Магическое минирование
					Заветок нет
					Зона последнего поиска
					Пезов не привязывать!
					Прощальный знак шныра, попавшего в беду

КОДЕКС ШНЫРА

Когда тебе больно, не корчи из себя страдающего героя. Нужно или плакать в голос, или терпеть. Ты можешь дать всё другим, но ничего себе. Потому что ты шныр!

Наедине с собой ты будешь рвать зубами подушку, расшибать кулаки о стены. Но на людях ты будешь улыбаться. Потому что ты шныр!

Каждый нырок оплачивается жертвой.

Чем меньше жертва и способность к жертве, тем меньше возможности заветки, которую ныряльщик способен вытащить. Жертва не может быть больше, чем человек способен понести.

Для того, кто использовал заветку для себя, повторный нырок невозможен.

Никогда не нырявший или отказавшийся от нырков шныр может оставаться в ШНыре, но использовавший заветку для себя — никогда.

Самый тяжёлый нырок — всегда первый.
На первой заветке шныр всегда испытывает
максимальной болью.

На территорию ШНыра не может проник-
нуть ни один человек, окончательно утвердив-
шийся во зле и его ценностях или оцувивший
себя явным добром. Это не мы так решили.
Просто так есть, было и будет.

Новых шныров выбирают не люди, а золо-
тые пчёлы, единственный улей которых нахо-
дится в ШНыре. Почему пчёлы выбрали имен-
но вас, мы не знаем — потому что когда-то
точно так же они выбрали и нас. Хотя в от-
дельных случаях можем догадываться. Но до-
гадываться не означает знать.

Случайно раздавить золотую пчелу нельзя,
но её можно предать. В этом случае она уми-
рает.

МАРШРУТКА № Н

Идут четыре брата навстречу старшему.
— Здравствуй, большак! — говорят.
— Здорово, Васька-указка,
Гришка-серёдка, Мишка-сиротка
Да крошка Тимошка!

Пальцевая игра

Рина сидела на тумбе, болтала ногами и ждала. Метро выплёвывало людей. Рина насчитала девятьсот человек. Из них пятьсот десять — женщины. Оставив пятьсот одиннадцатую непосчитанной, Рина спрыгнула с тумбы и пошла покупать мороженое.

Денег у неё хватало либо на одну порцию хорошего, либо на две так себе. Поколебавшись, она попросила две. «Кто сказал, что они плохие? Они недооценённые!» — успокоила она себя.

Из задней двери тормознувшей машины вывалился пьяный. Он стал совать ей под нос свой паспорт и говорить, что в нём нет детей. Рину это не слишком удивило: она вечно влипала в истории.

Вместо того чтобы быстро пройти дальше, она взяла паспорт и встряхнула. Из паспорта не вывалилось ни одного даже самого маленького ребёночка.

— И правда! — сказала она. — Нету! Ну ничего: когда обзаведётесь — сразу приходите за педагогическими советами!

Пьяный обиделся и стал хватать её за рукав. Рина добежала до сурового патрульного, который с риском для жизни ловил бабу, незаконно продающую грибы на нитке, и сунула ему паспорт.

— Я тут документик нашла! Не посмотрите чей? — попросила она и нырнула за павильон.

Ждать оставалось тридцать минут. Во всяком случае, так сказал Кузепыч. Когда она увидит, что на указанном месте собрались девять человек, она должна нажать на *кентавра*. Один раз. Вот и всё.

* * *

«Прикольнó! Москвич в третьем поколении, а никогда не был на “Планерной”!» — понял Сашка, поднявшись в город. Своё любимое «прикольнó» он всегда произносил с ударением на последний слог.

Что-то светлое летело высоко, над домами. Вначале Сашка подумал, это шар, но, присмотревшись, разобрался — обычный пакет. Летит себе, и никакой ему заботы, что под ним двадцать этажей пустоты.

Сашка шагнул к столбу и с интересом огляделся. Забавный район. Тесный, игрушечный. Дома подступают к павильону метро. Можно выйти на балкон и глазеть на толпу. А ночью, когда лежишь в тишине, слушать, как вздрагивает пол и где-то под тобой проносятся поезда.

Сашка сосредоточился, определяясь, куда ему теперь. Перед ним тянулась асфальтовая площадь с островками, к которым причаливали автобусы и маршрутки. Как всегда на конечных станциях метро, их было множество.

— Не знаете, где тут маршрутка № Н? — спросил он у женщины в красной ветровке.

Женщина играла с ребёнком. Она рассеянно подняла глаза, и часть нежности, адресованной ребёнку, случайно плеснула на Сашку. Почти сразу нежность на лице потускнела, втянулась куда-то внутрь, и Сашка пожалел, что оторвал человека от приятного занятия.

— Не знаю! — сказала женщина и снова нырнула в своего ребёнка, как в пруд.

— А вы не знаете, где маршрутка № Н? — обратился Сашка к вынырнувшей из-за столба сутуловатой спине.

Спина качнулась, и Сашка сообразил, что с «не знаете» промахнулся. На него смотрел ровесник. Правда, чтобы это определить, Сашке пришлось бесконечно задирать

голову. Парень был не просто двухметровый, а где-то под два десять. Узкоплечий, длиннорукий. Зубы крупные. Два передних как у бобра. Глаза зелёные, насмешливые. Руки при ходьбе болтаются, как верёвочные, подбородок делает «чик-чик» вправо-влево.

На лбу у незнакомца Сашка увидел длинную, плохо заросшую царапину, уходящую под волосы.

— В лифт не вписался. Москва — городок карликов, — проследив его взгляд, словоохотливо объяснил долговязый. — А на предмет маршрутки проинструктировать бессилён. Сам ищу!

Сашка продолжил рыскать по площади. Про маршрутку № Н не знал никто. Он дошёл до последнего асфальтового островка и собрался возвращаться к метро, когда внезапно увидел на столбе лист с жирной буквой Н.

Обозрев очередь, Сашка убедился, что в одну машину они вполне влезают. Поворачиваясь, задел рюкзаком стоящего перед ним парня. Тот оглянулся, оценивающе посмотрел и не плюнул, а скорее цыкнул на асфальт. Сашка подумал, что про таких говорят «пацан» или «пацанчик». Невысокий, плотный, в водолазке. Двигается неспешно, вкрадчиво, как кот.

— Макар! — Он сунул Сашке твёрдую как деревяшка ладонь.

Сашка на всякий случай сильно пожал её, ожидая, что сейчас будут тиски, и обманулся, потому что «пацанчик»

даже не потрудился сжать пальцы. Получилась глупость. С одной стороны, с тобой зачем-то познакомились. С другой, к твоей руке отнеслись как к дохлой рыбе.

Голос у «пацанчика» был соответствующий. Треснутый. С гнусавинкой.

— Как сам? Ничего? — спросил он без малейшего смущения.

Говорил Макар медленно. От слова до слова можно было протянуть верёвку и сушить полотенца. Когда люди говорят таким образом, это здорово давит на мозги.

У Сашки появилось желание рассказать Макару всю свою жизнь с момента рождения, чтобы посмотреть, на каком месте тот уснёт. Но он сдержался и кратко ответил, что лучше не бывает.

— Ча, прям так вот и не бывает? — Макар явно пытался загнать Сашку в угол, задавая вопросы, на которые нельзя ответить нормально.

И Сашка вообще не стал отвечать. Он смотрел уже не на Макара, а на девушку, которая хваталась за свою сумку всякий раз, когда звонил чей-нибудь мобильник. Мелодия для неё особой роли не играла.

Макару не понравилось, что кто-то может отвлечься от общения с ним. Он взял Сашкину пуговицу и стал её откручивать.

— Местный? — хмуро спросил он.